

Матющенко Павел Петрович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры дореволюционной отечественной
истории
Кубанского государственного университета

**АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА
ЦАРИЗМА И ИНОГОРОДНЕЕ
КРЕСТЬЯНСТВО КУБАНИ И ТЕРЕКА
В ПЕРИОД КОНТРРЕФОРМ
В РОССИИ**

Аннотация:

В статье рассматриваются особенности аграрной политики российского царизма в Кубанской и Терской областях в период контрреформ в отношении иногороднего крестьянства, законодательство в этой сфере и характерные для того времени законопроекты.

Ключевые слова:

Кубань, Терек, аграрная политика, иногороднее крестьянство, контрреформы, царизм, законодательство.

Matyushchenko Pavel Petrovich

PhD in History,
Assistant Professor,
Pre-revolutionary National History Department,
Kuban State University

**THE TSARIST AGRARIAN POLICY
AND NONRESIDENT PEASANTRY OF
KUBAN AND TEREK
DURING THE PERIOD OF
COUNTER-REFORMS IN RUSSIA**

Summary:

The article deals with the agrarian policy of the tsarist Russia in Kuban and Terek regions during the period of counter-reforms regarding the nonresident peasants. The author considers the legislation and the draft laws typical for that period.

Keywords:

Kuban, agrarian policy, nonresident peasantry, counter-reforms, tsarism, lawmaking.

В дореволюционной и новейшей историографии аграрных отношений на Северном Кавказе актуальным являлось изучение положения пришлого иногороднего крестьянства, начавшего заселять регион с 1860-х гг. Но в период контрреформ курс политики российского правительства в отношении этой группы населения меняется. Рассматривались в последнее время проблемы переселения крестьян на Северный Кавказ [1], положение иногородних в казачьей станице [2] и их взаимоотношения с казачеством [3]. В меньшей степени исследован политический курс властей по отношению к крестьянству Кубанской и Терской казачьих областей.

В начале 1880-х гг. XIX в. политика царизма в отношении крестьянского населения Кубанской и Терской областей стала более консервативной. Приток пришлых крестьян и увеличение спроса на арендные земли привели к новому порядку землепользования в казачьих станицах, по которому станичные земли были разделены на душевые паи. Установленный срок передела (5–10 лет) давал возможность сдавать паи в долгосрочную аренду крестьянам. На этих арендных землях иногородние крестьяне «явились для коренных жителей (казаков – прим. авт.) новаторами земледельческой культуры» [4], они широко распространили усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и выполнили возложенную на них задачу оживить «застойчивый дух черноморского казака» и развить «своим примером и соревнованием начала труда и промышленности» [5].

Уже в конце 1870-х гг. на заседании Кавказского комитета отмечалось, что «привлечение в край русского землевладения становится невозможным, ибо нет той юридической почвы, на которой водворение его могло бы прочно укрепиться» [6]. Этим подчеркивалась ограниченность земельного фонда для новых переселенцев.

В то же время под влиянием новых экономических отношений начали быстро проявляться среди казачества элементы общественного разложения. С ростом казачьего населения уменьшился земельный надел, среди казаков появились неисправно снаряжающиеся на службу. Казачья бюрократия выдвинула тезис об «оскудении казачьего духа» и возложила вину на иногороднее крестьянство. Местная администрация сообщила свои опасения кавказскому начальству, где нашла безоговорочную поддержку в лице Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя Дондукова-Корсакова.

В аграрной политике царизма проявилось наиболее реакционное ее направление, связанное с его отношением к пришлому крестьянству. Военное министерство предлагало два пути проведения мероприятий для ограничения численности иногороднего крестьянства на Кубани и Терке. Первый – это принятие мер административного характера, которые могли затруднить водворение иногородних. Второй – это путь законодательный, то есть изменение всех законов, имевших отношение к водворению среди казаков иногородних жителей. Сначала царская администрация пошла

по первому пути, так как изменение законодательства в условиях бюрократического царского государственного аппарата было сопряжено с затяжной процедурой решения этого вопроса.

В 1880-е гг. Военное министерство, кавказская и местная казачья администрация с «высочайшего утверждения» (то есть царского) принимают целый ряд административных мер по отношению к иногородним. Практически с этого времени и вплоть до падения самодержавия правительство игнорировало нужды этой категории крестьянства. Как справедливо отмечал в своем отчете в 1907 г. наместник Кавказа граф И.И. Воронцов-Дашков, «...недовольство государственным строем, даже без содействия революционной пропаганды, могло само собою возникнуть в представлении населения, видевшего только полное отсутствие заботливости о его нуждах со стороны правительства, не создавшего за 35 лет ни одного законоположения, которое бы изменило к лучшему крестьянский быт» [7].

Такая же политика проводилась и по отношению к «коренному» крестьянству Кубанской и Терской областей, наделенных в 1860–1870-е гг. наделами из казенных или войсковых земель. С тех пор никаких аграрных мероприятий в отношении «коренных» крестьян царской администрацией не проводилось. Дифференцированно относились власти и к различным категориям иногороднего крестьянства. Во-первых, казачьей администрацией поощрялись крупные хозяева-предприниматели, имевшие денежные средства для аренды крупными участками войсковых запасных и станичных общественных земель, создавшие многопосевные хозяйства, основанные на наемном труде или скотоводческо-овцеводческие хозяйства. Во-вторых, в связи с тем, что во время полевых работ для уборки сена или хлебов на казачьих паевых землях требовалось большое количество рабочих и пришлым иногородним элементом эта потребность не удовлетворялась, не существовало ограничений для привлечения крестьян и сельскохозяйственных рабочих на сезонные временные работы. В-третьих, отношение властей к «оседлопроживающим» в казачьих станицах крестьянам и «проживающим без оседлости», так называемым «квартирантам», было резко отрицательным. По мнению казачьей администрации, «оседлые» крестьяне негативно влияли на казаков в нравственном и религиозном отношении (это, как и обвинение их в «эксплуатации казачества», было надуманным предлогом), они стесняли казаков в пользовании выгонами (это единственное право по отношению к пользованию станичными угодьями в бесплатном выпасе определенного количества голов скота на общественных выгонах), взыскание посаженной платы шло медленно, и большое ее количество числилось в безнадежной недоимке. В отношении «неоседлых» крестьян предпринимались меры к предотвращению приобретения ими усадебной оседлости.

В связи с этим с 1883 по 1888 гг. был проведен целый ряд мер, ограничивавших права иногородних крестьян. Все они имели целью затруднить поселение иногородних крестьян в казачьих станицах. Первым актом было «высочайшее повеление» от 13 мая 1883 г. в связи с ходатайством Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя А.М. Дондукова-Корсакова о запрете права продажи казакам усадебных мест, домов и строений лицам невойскового сословия без согласия станичного общества или местного войскового начальства. Впоследствии были приняты решения о взыскании недоимок по посаженной плате с иногородних в бесспорном порядке, вплоть до описания и продажи имущества задолжников, о запрещении возведения без согласия местных властей новых построек, производства из ремонта или перестроек. Предоставлялось право разрушать возведенные без разрешения усадебные постройки. Иногородние ущемлялись в праве выпаса скота на общественных выгонах. Вместо 15 голов крупного и 30 голов мелкого скота распоряжением казачьей администрации это количество было сокращено до 4 и 6 голов соответственно. За излишнее же их количество станичное общество устанавливало особую плату. Была увеличена посаженная плата до предельной нормы – 5 коп. за кв. сажень (то есть 120 руб. за дес.), увеличивались натуральные и земские повинности. Как подчеркивал автор брошюры о положении иногородних священник Т. Демьянов, «иногородние не платят только за право пользоваться воздухом» [8].

Вопрос об иногородних оказался в центре внимания трех правительственных комитетов и комиссий: 1) по преобразованию управления Кавказскими казачьими войсками; 2) об изменении положения об общественном управлении казачьих станиц; 3) по пересмотру законов и административных распоряжений об оседлопроживающих в казачьих станицах крестьянах.

Уже при подготовке «высочайшего повеления» 13 мая 1883 г. выявились разногласия Министерства внутренних дел, занимавшегося вопросами гражданского управления в Кубанской и Терской областях, с позицией военного ведомства. В отзыве Министра внутренних дел от 29 марта 1883 г. подчеркивалась необходимость в том, чтобы «местному главному начальству было предоставлено войти в подробное соображение о способах обеспечения и устройства быта пришлого населения» [9]. Но, как показало дальнейшее рассмотрение вопроса об иногородних в Военном министерстве, военные власти не предполагали какого-либо улучшения положения иногороднего крестьянства. Комиссия по преобразованию управления Кавказскими казачьими войсками, работавшая в Тифлисе с 1883 г., высказалась за принятие мер по ограничению пере-

селенческого потока на земли северокавказских казачьих войск. С этой целью ею была разработана программа административных мер, как по затруднению поселения на казачьих землях вновь прибывших крестьян-переселенцев, так и по затруднению пользования землями проживавших на Кубани и Тереке крестьян. Цель этих мер была выражена во мнении Кубанской областной администрации, в которой отмечалось, что «желательно поставить иногородних в такие условия, чтобы они постепенно очистили, насколько это будет возможно, станицы и передвинулись на частновладельческие земли...или на свободные казенные земли» [10]. Таким образом, предлагалось выселение части крестьянства, в основном «оседлопроживающего», за пределы казачьих земель, на казенные земли Черноморского округа и Закавказских губерний, оставив в крае лишь временнопроживавших крестьян как рабочую силу в казачьих станицах.

Вслед за первыми административными мероприятиями в 1885 г. в Екатеринодаре была образована под председательством начальника Кубанской области особая комиссия для пересмотра закона 29 апреля 1868 г. и составления нового законопроекта, в который были включены пункты о запрещении приобретения недвижимой собственности лицами невойскового сословия на всех войсковых и станичных землях, об ограничении в числе голов скота в праве бесплатного выпаса на общественных выгонах и возведения уже проживавшими в станицах крестьянами жилых построек без согласия станичных обществ, об увеличении земских, общественных повинностей и посаженной платы. В связи с тем, что закон 29 апреля 1868 г. был общим для всех казачьих войск, Главное управление казачьих войск поручило рассмотреть новый законопроект всем войсковым начальствам. Все администрации казачьих войск признали необходимость принятия мер об ограничении числа иногородних крестьян в казачьих станицах и присоединились к законопроекту екатеринодарской комиссии. В Военном совете этот законопроект был рассмотрен лишь через 13 лет.

В конце 1880-х – начале 1890-х гг. продолжалась серия административных и законодательных мероприятий. С целью сосредоточения военной и гражданской власти в одних руках в станицах казачьих войск Северного Кавказа законом 21 марта 1888 г. все невойсковое население Кубанской и Терской областей было передано под управление военного ведомства. С этого времени все дела, относящиеся к пришлому русско-украинскому населению, рассматривались исключительно казачьей администрацией.

Главным жизненным вопросом для иногородних крестьян был земельный. Нехватка земли для этой категории крестьянства объяснялась не ее недостатком, не перенаселенностью, а аграрной политикой царского самодержавия. Даже право пользования усадебной землей для жилых и хозяйственных построек, огородов и садов в 1880-е гг. было сильно ограничено и зависело от распоряжения местных казачьих властей.

Лишенные права на земельный надел иногородние крестьяне вынуждены были идти в казачьи хозяйства наемными рабочими или при наличии средств арендовать земельные участки. В газете «Северный Кавказ» писали: «Арендный вопрос, имеющий такое огромное значение в России, существует и у нас (на Северном Кавказе – прим. авт.), пожалуй, в еще более обостренной форме» [11]. По мнению редакции газеты, это был «жгучий вопрос об иногородних».

Законы 1869–1870 гг. дали крестьянам возможность арендовать все категории земель. Царизмом и местной администрацией были установлены условия аренды для всех видов земельного владения и землепользования. Они в первую очередь отвечали интересам крупных арендаторов. Станичные общества, войсковые запасные и казенные земли, как правило, сдавались крупными земельными участками различного рода предпринимателям.

Царизм также регламентировал сдачу в аренду паевых казачьих наделов. Законом 21 апреля 1869 г. сдача казаками земли в аренду другим лицам допускалась на то время, на которое земельный пай был предоставлен казаку в пользование. В казачьих областях распространилась долгосрочная аренда на 5–10 лет. Но уже в начале 1880-х гг. местная администрация проявляла беспокойство в связи с разделом паевых земель на долгосрочные участки, не согласным, по ее мнению, с порядком общинного пользования землями. Поэтому Кавказская администрация ограничила сдачу казакам паевых наделов в аренду. В 1886 г. был запрещен раздел станичных общественных земель на паи, установлен ежегодный передел паевых земель, которые должны были обрабатываться личным трудом казаков или наймом рабочих рук. В 1891 г. правительство установило годичный срок сдачи казаками пашенной земли в аренду, который не позволял рационально использовать земельные угодья, сдерживал интенсификацию производства на арендованных землях, давал преимущества владельцам частных земель. Главная цель этого закона состояла в ограничении наплыва «постороннего» населения в казачьи станицы. Этой идеей была проникнута «Инструкция станичным обществам», в которой рекомендовалось внушать казакам мысль при отдаче в аренду своих земельных паев отдавать предпочтение одностаничникам-казакам; казаков, продающих свои усадьбы, лишать права на получение новых; станичным сборам быть осмотрительными при выдаче разрешений на занятие мест в станичном юрте посторонним лицам; взыскивать с лиц невойскового сословия плату за лов рыбы, сбор лесных плодов, ягод, грибов, охоту, камень, песок, дрова и т. д. [12].

Установленный царизмом порядок сдачи в аренду станичных войсковых земель на длительный срок (6 и 5 лет) и крупных участков перераспределял эти земли в руки кулаков, скупщиков и спекулянтов. А те, в свою очередь, сдавали эти земли по более высоким ценам мелкими участками бедняцко-средняцкой части иногородних. Сдача в аренду станичных земель приносила станичным обществам только в Кубанском войске около 2 млн руб. дохода [13]. Войсковые правления сдавали запасные земли участками от 500 до 2000 десятин с распашкой одной десятой части, что было установлено в 1884 г. с целью развития на этих землях коневодства и создания препятствий для самовольных поселений крестьян [14].

Проведенные администрацией мероприятия привели к ограничению мелкой крестьянской аренды. С одной стороны, с ростом числа безземельных иногородних крестьян неуклонно повышались арендные цены на землю и увеличивались доходы казаков, станичных обществ и разного рода спекулянтов, сдававших в аренду земли. С другой стороны, с ростом арендных цен ухудшалось положение мелких арендаторов из числа иногородних крестьян и даже при среднем урожае земледелие для большинства из них было бездоходно. На пути крестьянской аренды стояли такие препятствия, как высокая посаженная плата, погодный характер паевых земель, высокая арендная плата, право сноса местными властями построек. Условия аренды войсковых, казенных и большинства частновладельческих земель отвечали интересам крупных арендаторов и давали возможности для предпринимательской аренды и земельных спекуляций.

Одной из важнейших мер ограничения прилива иногородних в казачьи станицы было признано увеличение посаженной платы. Наивысший размер последней в Кубанской области за 1870–1889 гг. возрос с 2 коп. до 5 коп. за кв. сажень (то есть 120 руб. за дес.) усадебной земли. Администрация Таманского отдела предлагала ее увеличение даже до 10 коп. за кв. сажень (240 руб. за дес.), так как, по ее мнению, это – «одна из доходных статей общества станиц и поселков» [15].

Этот налог на иногородних, как подчеркивал прогрессивный публицист Л.М. Мельников, взимался только за право жить на казачьих землях и подобного налога ни по существу, ни по размерам «не встречал нигде, кажется, по всей России и который противоречит установившимся в народе юридическим понятиям» [16]. Недоимки по посаженной плате законом 12 декабря 1888 г. взыскивались с иногородних в беспорядном порядке с описью имущества и его продаж. Военно-казачья администрация следовала линии на увеличение посаженной платы с целью создания для «оседлых» иногородних крестьян невыносимых условий. В 1890-х гг. вопрос о посаженной плате неоднократно обсуждался кубанско-терской и кавказской администрациями. При этом высказывались мнения о непосильности для крестьян размеров этого налога, ограничивавшего усадебные места до крайних пределов, о прогрессирующем ухудшении их положения. Разрабатывался вопрос и о «более справедливом способе взимания посаженной платы» с использованием дифференцированного подхода к распределению ее между оседлопроживающими крестьянами в зависимости от промышленно-торгового значения их усадеб, от доходности усадебных мест, стоимости недвижимого имущества. Но Главное управление казачьих войск отклонило эти предложения и признало «неудобным подвергать этот вопрос пересмотру» [17].

Ссылки и примечания:

1. Матюшенко П.П. Переселения крестьян в казачьи области Северного Кавказа в политике царизма конца XIX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12/2. С. 23–26.
2. Хейман Е.Е. Кубанская казачья станица и иногороднее крестьянство в начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 178–180.
3. Федина И.М. Кубанское казачество и иногороднее население на рубеже XIX–XX вв. как отражение социальных парадигм кубанской станицы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 175–177.
4. РГВИА (Рос. гос. воен.-ист. арх.). Ф. 330. Оп. 37. Д. 731. Л. 15 об.
5. НАГ (Нац. арх. Грузии). Ф. 5. Оп. 1. Д. 88. Л. 1-1 об.
6. РГИА (Рос. гос. ист. арх.). Ф. 932. Оп. 1. Д. 291. Л. 13 об.
7. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем графа Воронцова-Дашкова. Тифлис, 1907. С. 41.
8. Там же.
9. РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1427. Л. 9 об.
10. РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1427. Л. 12 об., 13; Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1884. Т. 19. (1883 г.). С. 126. Публикация этого акта в официальных правительственных изданиях была отклонена Сенатом в связи с нарушением законодательной процедуры. Ходатайство кавказской администрации не было обсуждено в Государственном совете.
11. Земельная нужда иногородних переселенцев Северного Кавказа вообще и в Кубанской области в особенности. СПб., 1907. С. 12; ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 358. Л. 289 об.
12. РГВИА. Ф. 33. Оп. 33. Д. 1458.
13. РГИА. Ф. 560. Оп. 41. Д. 147. Л. 9; ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1527. Л. 8.
14. Северный Кавказ. Ставрополь, 1896. № 33 (передовая статья).
15. Инструкция, составленная Кубанским областным правлением в руководство станичным и хуторским обществам Кубанского войска и должностным в сих обществах лицам. Екатеринодар, 1892. С. 708.
16. Ратушняк В.Н. Аграрные отношения на Северном Кавказе. Краснодар, 1982. С. 57.
17. РГВИА СССР. Ф. 330. Оп. 44. Д. 1517. Л. 15; Оп. 61. Д. 379 б. Л. 77; ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1568. Л. 65.

References and notes:

1. Matyushchenko, PP 2013, 'Resettlement of peasants in Cossack regions of the North Caucasus in the policy of tsarism the end of the nineteenth century', *The theory and practice of social development*, no. 12/2, p. 23-26.
2. Heyman, EE 2012, 'Kuban Cossack village and nonresident peasantry in the early twentieth century', *The theory and practice of social development*, no. 2, p. 178-180.
3. Fedina, IM 2012, 'Kuban Cossacks and nonresident population at the turn of the nineteenth and twentieth centuries. as a reflection of social paradigms of the Kuban Cossack village', *Theory and practice of social development*, no. 2, p. 175-177.
4. *RGVIA*, f. 330, op. 37, d. 731, l. 15 ob.
5. *NAG*, f. 5, op. 1, d. 88, l. 1-1 ob.
6. *RSHA*, f. 932, op. 1, d. 291, l. 13 ob.
7. *Humbly note management Caucasian edge Count Vorontsov-Dashkov* 1907, Tbilisi, 41 p.
8. *Humbly note management Caucasian edge Count Vorontsov-Dashkov* 1907, Tbilisi, 41 p.
9. *RSHA*, f. 391, op. 2, d. 1427, l. 9 ob.
10. *RSHA*, f. 391, op. 2, d. 1427, l. 12 ob., 13; *Collection of government regulations on the Cossack troops* 1884, St. Petersburg, vol. 19 (1883), p. 126. The publication of this Act in official government publications was rejected by the Senate in connection with violation of legislative procedures. Petition Caucasian administration has not been discussed in the Council of State.
11. *Land need nonresident persons of the North Caucasus in general and in the Kuban region in particular* 1907, St. Petersburg, p. 12; *GAKK*, f. 454, op. 1, d. 358, l. 289 ob.
12. *RGVIA*, f. 33, op. 33, d. 1458.
13. *RSHA*, f. 560, op. 41, d. 147, l. 9; *GAKK*, f. 318, op. 2, d. 1527, l. 8.
14. *The North Caucasus* 1896, Stavropol, no. 33.
15. *Instructions have been prepared by the regional board in the Kuban village leadership and Khutorskaya companies Kuban troops and officials in those societies now* 1892, Ekaterinodar, 708 p.
16. Ratushnyak, VN 1982, *Agrarian relations in the North Caucasus*, Krasnodar, 57 pp.
17. *RGVIA USSR*, f. 330, op. 44, d. 1517, l. 15; op. 61, d. 379 b, l. 77; *GAKK*, f. 318, op. 2, d. 1568, l. 65.